
ПРОФСОЮЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР В 1920-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕССИИ «ГРУЗИНСКИЙ МАРГАНЕЦ»)

Т.В. Юдина

Волгоградский государственный университет
Университетский пр-т, 100, Волгоград, Россия, 400062

В статье анализируется взаимодействие центрального правления грузинских профсоюзов с вышестоящими профсоюзами СССР, концессионера «Грузинского марганца» с профсоюзами и Главным концессионным комитетом по вопросам защиты прав советских концессионных рабочих и служащих в годы нэпа.

Ключевые слова: концессионные предприятия, профсоюзные органы, советские концессионные рабочие и служащие, переговоры, защита прав рабочих.

Вопрос о допущении в народное хозяйство Советской России иностранного капитала в форме концессий был решен законодательным путем. После появления Декрета СНК РСФСР об общих экономических и юридических условиях концессий от 23 ноября 1920 г. и Декрета об основных принципах концессионных договоров от 29 марта 1921 г. первые концессионные договоры были заключены советским правительством в год введения нэпа – в 1921 г. С 1928/1929 хозяйственного года концессионные договоры перестали заключаться.

Концессии были распределены неравномерно и функционировали в разных точках страны: городах (Архангельск, Ленинград, Москва, Новосибирск, Переславль-Залесский, Ростов-на-Дону); губерниях (Амурская, Архангельская, Камчатская, Костромская, Ленинградская, Московская, Новгородская, Приморская, Саратовская, Сахалинская, Череповецкая); краях (Северо-Кавказский и Хабаровский), а также тех территориях, которые сегодня относятся к другим государствам: Семипалатинской губернии Алтайского края (Казахстан), Чиатурах (Грузия), Криворожском и Мелитопольском округах Украины. Расположение концессий диктовалось решением советского правительства – Советом народных комиссаров.

Значительную роль в экономике страны и занятости населения СССР занимали концессии: «Лена Гольдфильдс», «Грузинский марганец», «Тетюхе», «Мологолес», «Руссанглолес», «Русснорвеголес», «Руссголландолес», «Мологожелдор», «Дерулюфт», «Гаммер». Наем рабочей силы на концессионные предприятия осуществлялся преимущественно через биржи труда и под постоянным контролем профсоюзов, объединенных в различные группы: межсоюзные, центральные и т.д.

Деятельность центральных органов (комитетов и правлений) профессиональных союзов по вопросам сокращения безработицы в стране, защиты социально-экономических интересов советского населения на концессионных предприятиях способствовала выстраиванию отношений между концессионерами и работниками, концессионерами и профсоюзами, концессионерами и государственными советскими органами, что повлияло на эффективное развитие этих предприятий.

Вторая по величине и значению в СССР концессия после «Лены Гольдфильдс», «Грузинский марганец», функционировавшая в Грузии, производила 75% добычи марганца в стране и насчитывала, например, в начале 1927 г. 4 тыс. 888 рабочих и служащих.

Профессиональные союзы Грузии, разрешая проблему занятости советского населения и защищая права, социально-трудовые льготы и интересы советских концессионных рабочих и служащих, проводили переговоры, заключали коллективные договоры и тарифные соглашения, координируя свою работу с центральными комитетами отраслевых профсоюзов. Иллюстрацией этому служит работа Всегрузинского центрального правления профсоюза строительных рабочих по заключению тарифного соглашения с концессионером «Грузинский марганец».

Так, после получения 28 декабря 1926 г. концессионером предложений профсоюза строительных рабочих (1) началась переписка и совместное обсуждение проекта тарифного соглашения. Заседания по этому поводу тянулись с 31 января 1927 г. по 19 марта 1927 г. (2).

Ведя переговоры в г. Тифлисе, председатель профсоюза строителей Грузии постоянно информировал о результатах центральный комитет (ЦК) в г. Москве, например 11 февраля и 6 апреля (3). Однако переговоры зашли в тупик.

На этом этапе и понадобилась помощь центрального комитета.

Проанализировав переговорный процесс, ЦК отметил, что центральное правление профсоюза строительных рабочих в Грузии и Грузинский совет профсоюзов предъявили к концессионеру требования, «в отдельных частях» преувеличенные. ЦК предложил не создавать излишних конфликтов «на почве чрезмерных требований» и согласовать свои предложения с другими профсоюзами, заключавшими коллективные договоры с концессионером. Но компромиссного решения так и не последовало.

Тогда ЦК профсоюза строительных рабочих решил добиваться закрепления фактического уровня заработной платы на «Грузинском марганце», отказавшись от ее повышения, а размеры выходного пособия при увольнении и расходы на содержание рабочего комитета установить в соответствии с коллективным договором с профсоюзом рабочих горнодобывающей промышленности.

ЦК профсоюза строительных рабочих посоветовал профсоюзам Грузии согласиться с предложенной концессионером суммой отчислений на содержание строительного училища (1000 руб. ежегодно).

ЦК также убеждал профсоюзы Грузии согласиться с предложением администрации концессии принимать строительных рабочих через посредническое бюро, учитывая уже имевшийся опыт найма горняков и транспортников. Такие же директивы Грузинскому совету профсоюзов поступили из ВЦСПС (4).

Учитывая трудности ведения переговоров с администрацией «Грузинского марганца», ЦК профсоюза рабочих горнодобывающей промышленности в 1927 г. несколько раз на закрытых заседаниях обсуждал деятельность грузинских профсоюзов по заключению коллективного договора. Заседания прошли 5 марта, 26 мая, 8 июля 1927 г. (5). Предметом обсуждения стали разногласия по четырем пунктам коллективного договора.

Во-первых, требование профсоюзов отличалось от обычных требований, предъявляемых к концессионерам в других отраслях. Оно сводилось к тому, чтобы в новом коллективном договоре не было бы «деления на трудящихся физического и нефизического труда, как это было оговорено в прежнем колдоговоре» (6). Однако представители концессии настаивали на сохранении прежней редакции данного пункта.

После долгих дебатов на заседании ЦК профсоюза горнорабочих было решено: требование отстаивать, но не доводить дело до конфликта.

Второй вопрос касался, как и на всех концессионных предприятиях, разногласий по вопросам оплаты труда – определения размера ставки 1 разряда.

Концессионер предлагал обсуждение этого вопроса перенести на июль 1927 г. Профсоюзы настаивали на немедленном пересмотре ставки 1 разряда и повышении ее на 14,6%, т.е. с 20 руб. 50 коп. до 23 руб. 50 коп., с установлением одновременно 15-процентной надбавки на тарифные ставки подземным рабочим. Это позволило бы увеличить фонд зарплаты на 22%.

Такое требование профсоюзы мотивировали тем, что зарплата чаатурских рабочих (забойщиков и «лопаточников») получалась значительно ниже, чем на однородных государственных предприятиях – Никопольских марганцевых рудниках. Хотя в г. Никополе ставка 1 разряда и была ниже, составляя 13 руб. 60 коп., но там одновременно широко применялась сдельная оплата труда.

В связи с этим члены ЦК профсоюза горнорабочих вынесли решение: требовать увеличения фонда зарплаты на 10–15%, повышения заработной платы забойщикам и «лопаточникам» без изменения ставки 1 разряда (7).

Неурегулированным оказался вопрос оплаты коммунальных услуг. Грузинские профсоюзы настаивали на повышении оплаты коммунальных услуг за счет средств концессионера для рабочих, не имеющих семьи, с 3 руб. 50 коп. до 5 руб., для семейных – с 5 руб. до 7 руб. 50 коп. ЦК профсоюза горнорабочих настоятельно рекомендовал профсоюзам Грузии сохранить прежнюю оплату (8).

Жилищное строительство было последним пунктом, вызывавшим разногласия между профсоюзными органами Грузии и руководством концессии

«Грузинский марганец». Профсоюзы требовали от концессионера завершить строительство жилых помещений и выполнить обязательства по действующему коллективному договору к июлю 1927 г., а также приступить к реализации нового. Однако концессионер не мог гарантировать окончания строительства жилья. По этой причине ЦК профсоюза горнорабочих рекомендовал отраслевому профсоюзу отказаться от своих условий, не обострять переговоры и не доводить дела до стачки, а продолжать переговоры, учитывая тяжелое экономическое положение концессии. «В случае недоговоренности на месте, переговоры перенести в ЦК» – такова была директива руководства ЦК профсоюза горнорабочих профсоюзам Грузии (9).

Учитывая необходимость быстрее заключения соглашения с концессионером, ЦК профсоюза горнорабочих (как и в случае с ЦК профсоюза строительных рабочих) потребовал уже 26 мая 1927 г. от грузинских профсоюзов отказаться от включения в коллективный договор ряда обязательств.

То есть необходимо было отказаться от требований о распространении договора на работников нефизического труда, о повышении оплаты за коммунальные услуги, не предоставляемые в натуральном виде, от завышенных требований по жилищному строительству. Надо было согласиться с решением концессионера о повышении фонда зарплаты на 7% и распределении премий среди рабочих основного производства – забойщиков, откатчиков и «лопаточников», как и с решением об установлении начала действия коллективного договора с 1 июня и введении сдельных работ, проводимых на основе норм выработок (10).

О трудностях с заключением коллективного договора на «Грузинском марганце» вице-директор концессии Д. Робинсон постоянно информировал Главный концессионный комитет (11). Он же обсуждал вопросы заработной платы с председателем ВЦСПС М. Томским, доказывая, что предъявление грузинскими профсоюзами чрезмерных требований о повышении фонда оплаты труда на 25% имеет неделовой характер (12).

Робинсон считал, что заработная плата обслуживающего персонала на концессии была достаточной, однако не возражал против повышения зарплаты рабочим путем введения сдельной оплаты труда, не соглашаясь при этом на механическое ее повышение без поднятия производительности труда.

Представитель концессионера считал невозможным проведение немедленных переговоров по заключению коллективного договора и просил отложить их на две недели. Его не устраивали сам «тон и характер» и действия председателя профсоюза рабочих горнодобывающей промышленности Грузии Хведелидзе при обсуждении вопросов коллективного договора. Например, профсоюз не возражал против введения и применения сдельной оплаты труда на концессии, но документы при этом не подписывал. Рабочие тогда сами поддержали предложение концессионера, но местные профорганизации стали противодействовать. Как результат, на предприятии наблюдалось снижение производительности труда (13).

Не устраивала представителя «Грузинского марганца» непоследовательность профсоюзной организации рабочих горнодобывающей промышленности Грузии в реализации коллективно-договорной практики.

Так, партнеры согласились провести «улучшения в части постановки медпомощи и снабжения спецодеждой», без повышения зарплаты рабочим, и продлить прежний договор на год (14). Затем грузинский профсоюз, ссылаясь на существующий более низкий размер заработной платы рабочих на концессии по сравнению с государственными предприятиями, стал требовать немедленного продолжения переговоров на их условиях. Такое отношение к иностранному предпринимателю дестабилизировало работу концессии.

Постоянный контроль со стороны центральных комитетов по вопросам подготовки и заключения коллективных договоров приводил к тому, что окончательное решение оставалось за ними. Нижестоящие структуры, если и проявляли несогласие по отдельным вопросам обеспечения социально-трудовых льгот работникам концессий, вынуждены были исполнять решения вышестоящих органов – центральных комитетов и ВЦСПС.

И, наконец, «степень» внимания к той или иной отдельной концессии зависела от того экономического (или политического) веса, которую она играла в народном хозяйстве страны. Например, самые крупные концессии «Лена Гольдфильдс», «Грузинский марганец» и «Тетюхе» постоянно посещались и правительственными комиссиями, и профработниками.

Для оказания помощи по ведению переговоров центральные комитеты профсоюзов практиковали командировки своих сотрудников на концессии. Очень частыми были поездки сотрудников ЦК профсоюза строительных рабочих на концессию «Грузинский марганец». Командированные постоянно информировали о ходе переговоров председателя ЦК профсоюза строителей (15).

С 1928–1929 гг. на концессионных предприятиях стали наблюдаться массовые сокращения советских рабочих. Председатель центрального правления (ЦП) профсоюза горнорабочих Грузии Р. Циркеидзе сокрушался в 1928 г., что «рудник закрывается, рабочие ликвидируются, а через несколько дней на том же самом руднике начинаются опять работы» (16). При этом участники конференции рабочих Чиатурского района констатировали «неплановость работы» концессии «Грузинский марганец», «результатом чего является частое массовое сокращение рабочих» (17).

Такие действия концессионера способствовали усилению напряженности среди рабочих, увольнению и пополнению рядов безработных.

Хотя руководители профсоюза не оставались безучастными и пытались регулярно запрашивать данные о предстоящих изменениях в штатном расписании концессии «Грузинский марганец» и причинах увольнения рабочих, увольнения продолжались. На Шукруто-Перевисской секции концессии «Грузинский марганец» администрация предупредила об увольнении

190 рабочих, одновременно запросив биржу труда в необходимости принятия в эту же секцию 14 чел. на временные двухнедельные работы.

Отстаивая права рабочих при проведении сокращений, профсоюзные работники обвиняли иностранных предпринимателей в предвзятости. В частности, председатель ЦП профсоюза рабочих горнодобывающей промышленности Грузии Р. Циркеидзе был уверен в том, что «каждое сокращение работ концессионер сопровождает отбором и увольнением нежелательных ему элементов рабочих» (18).

Основания для такого вывода имелись. Администрация концессии останавливала работы или сокращала определенные должности. Спустя время работы возобновлялись, но уже с новыми рабочими. Р. Циркеидзе при этом констатировал: «Поскольку союз не имеет права вмешиваться в хозяйственную жизнь и в хозяйственные мероприятия концессионера, подобные его действия остаются безнаказанными» (19).

На самом деле возможности воздействия на концессионера имелись, но для этого необходимы были доказательства и время.

Оставалась трудноразрешимой проблемой охрана жизни и здоровья советских концессионных рабочих.

На концессионных предприятиях, так же как и на любых других, не обходилось без несчастных случаев. Так, на концессии «Грузинский марганец» в 1912 г. зарегистрирован 151 несчастный случай, в 1913 г. – 251, а в 1926/1927 г. – всего 34 случая на 1 тыс. рабочих (20). Приведенные цифры свидетельствуют об уменьшении производственных травм в советский период времени. Но такая ситуация на концессии наблюдалась недолго. Уже в 1927 г. число несчастных случаев значительно возросло и составило 638 (21), что оказалось в 2,5 раза выше по сравнению с дореволюционным периодом (22).

В целом же нарушения по охране труда на концессионных предприятиях были типичны: недостаточное освещение и вентиляция, крепления подземных выработок, водоотлив и грязь в них; неисправность эстакад, брембергов, путей откатки, машин; отсутствие ограждений, надзора за канатами воздушных дорог, изоляций у электрических проводов.

С 1 августа 1927 г. по 1 марта 1928 г. техническим инспектором на концессии «Грузинский марганец» было выявлено 417 нарушений (что составляло 4,9% от общей численности рабочих), которые угрожали жизни и здоровью 8448 рабочих. Инспектор труда отметил 24 факта остановки работ в связи с опасными производственными условиями для 85 чел. (23).

В центре постоянного внимания органов власти и профсоюзов на концессионных предприятиях находились вопросы размеров ставок разрядов и установление разрядов в соответствии с тарифными справочниками. Поэтому размеры заработной платы для рабочих и служащих на «Грузинском марганце» оставались стабильными и более высокими, чем на однородных государственных предприятиях.

На концессии росла, по сравнению с довоенным временем, не только заработная плата, но и производительность труда. Председатель профессионального союза горнорабочих Грузии Р. Циркеидзе признавал, что «рабочий за годы существования концессии дал такой эффект производительности, какого Чиатурский район никогда не знал» (24).

Однако отношение органов власти и профсоюзов к повышению производительности труда на концессионных предприятиях не менялось. Прежде всего, их волновала не рентабельность концессий, а материальное положение советских концессионных рабочих, размеры их заработной платы.

В 1927/1928 г. по сравнению с 1926/1927 г. средняя месячная зарплата советских рабочих выросла на всех концессионных предприятиях РСФСР.

Органы власти и центральные комитеты профсоюзов продолжали требовать от концессионеров улучшения социально-экономического положения советских рабочих и служащих, от работников первичных профорганов концессий – установления деловых взаимоотношений с концессионерами.

ВЦСПС, центральные комитеты отраслевых профсоюзов осуществляли постоянный контроль деятельности нижестоящих организаций профсоюзов, что играло важную роль в регулировании отношений на концессионных предприятиях.

Взаимодействие центральных правлений профсоюза строительных рабочих и горнорабочих Грузии с центральными отраслевыми комитетами по вопросам повышения оплаты труда, оплаты коммунальных услуг, строительства жилья на «Грузинском марганце» способствовала предупреждению конфликтных ситуаций на концессионном предприятии и принятию эффективных решений по повышению жизненного уровня работников. При этом встречи вице-директора концессии Д. Робинсона с сотрудниками Главного концессионного комитета, председателем ВЦСПС М. Томским также были направлены на разрешение возникших разногласий и конструктивное сотрудничество с государственными органами власти и профсоюзами.

Решая вопросы сохранения численности рабочей силы на концессии, охраны жизни и здоровья советских концессионных рабочих и служащих, центральные органы профсоюзов проводили переговоры с концессионером по обеспечению защиты прав и социально-экономических интересов работников «Грузинского марганца». При этом профсоюзы выступали инструментом регулирования отношений рабочих и служащих с концессионером.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) ГАРФ. – Ф. 5475. – Оп. 10. – Д. 593. – Л. 32–33.
- (2) Там же. – Л. 7, 14–16, 24–25.
- (3) Там же. – Л. 6, 22–22 об.
- (4) Там же. – Л. 20.

- (5) Там же. – Ф. 5459. – Оп. 7. – Д. 381. – Л. 107–108, 121.
- (6) Там же. – Л. 107.
- (7) Там же.
- (8) Там же. – Л. 108.
- (9) Там же.
- (10) Там же. – Л. 121.
- (11) ГКК при СНК СССР конфликты не разрешал, а переадресовывал в НКТ и профсоюзы (см.: *Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): док-ты и мат-лы / Под ред. и сост. М.М. Загорюлько; предисл. М.М. Загорюлько и О.В. Иншакова. – М., 2005. – Т. 2. – С. 20*).
- (12) ГА РФ. – Ф. 5459. – Оп. 7. – Д. 381. – Л. 120.
- (13) Там же. – Л. 120–121.
- (14) Там же. – Л. 121.
- (15) Там же. – Ф. 5475. – Оп. 10. – Д. 593. – Л. 38, 39, 41, 42, 44.
- (16) Там же. – Д. 311. – Л. 20.
- (17) Там же. – Л. 21.
- (18) Там же. – Л. 29 об.
- (19) Там же.
- (20) РГАСПИ. – Ф.17. – Оп. 85. – Д. 113. – Л. 206 об.
- (21) ГА РФ. – Ф. 5459. – Оп. 9. – Д. 311. – Л. 21 об.
- (22) *Клишас А.А. и др. Иностранные концессии в сфере добычи и обработки руд цветных металлов в России и СССР (1920–1930 гг.): док-ты и мат-лы / Под ред. А. А. Клишаса; Сост. М.М. Загорюлько. – М., 2005. – Т. 3. – С. 256*.
- (23) Подсчитано по: ГА РФ. – Ф. 5459. – Оп. 9. – Д. 311. – Л. 29–29 об.
- (24) Там же. – Л. 19 об.

**TRADE UNIONS AS REGULATION TOOLS
OF SOCIAL RELATIONS IN USSR IN 1920S
(BY EXAMPLE OF «GEORGIAN MARGANESE» CONCESSION)**

T.V. Yudina

Volgograd State University
University Ave., 100, Volgograd, Russia, 400062

The article analyzes interaction between central directorate of Georgian trade unions and senior trade unions of the USSR, between «Georgian Marganese» concessioner and trade unions and Central Concession Committee on rights protection of the Soviet concessional workers and employees during New Economic Policy period.

Key words: concessionary enterprises, trade union bodies, soviet concessionary workers and employees, negotiations, protection of rights.